

**Анализ судебной практики оспаривания санкций Европейского союза
российскими предпринимателями**

Научный руководитель – Кауракова Мария Викторовна

Давыденкова Анастасия Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Финансовый университет, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: 223276@edu.fa.ru

Санкции Европейского союза (ЕС), касающиеся замораживания экономических активов подсанкционных лиц и ограничения их передвижения по территории государств-членов ЕС, введенные начиная с 2014 года в отношении российских предпринимателей, негативным образом влияют на их деятельность, что делает особенно актуальным вопрос об их оспаривании.

Правовой основой ограничительных мер помимо актов первичного права ЕС выступают Решение Совета ЕС от 17 марта 2014 г. № 2014/145/CFSP «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины» [3] и Регламент Совета ЕС от 17 марта 2014 г. № 269/2014 с аналогичным названием [4].

Оспаривание санкций включает материальный (законность критериев введения санкций, ошибки в оценке обстоятельств) и процессуальный (изложение мотивов решения, уведомление лиц) аспекты.

Решение Совета ЕС о санкциях должно быть ясным и недвусмысленным, содержать четкие фактические и юридические основания [2]. Если лицо не может определить из изложения Советом ЕС мотивов решения критерий, на основании которого оно включено в санкционный список, суд исключает такой критерий из оснований применения санкций [6]. Кроме того, Совет ЕС не вправе опираться на факты, не отраженные в обосновании санкционных ограничений [9].

Критерий (g) включает два признака: статус ведущего предпринимателя и деятельность в секторе, приносящем значительные доходы Правительству РФ. Первый признак может устанавливаться на основе масштабов предпринимательской деятельности, занимаемой должности, участия в акционерном капитале компаний и принятия участия во встречах с представителями государственной власти РФ [6, 9, 7]. Второй же признак часто вызывает затруднения: Совет ЕС не всегда предоставляет достаточно доказательств значимости конкретного сектора [7], что является основанием для отмены санкций.

При этом критерий (g) особенно широк и учитывает вклад целого сектора экономики, а не отдельного лица, в доходы Правительства РФ, без необходимости устанавливать прямую или косвенную связь между последним и лицом [6, 9].

Помимо этого, критерий (g) не связан с гражданством и применяется ко всем, соответствующим его условиям, включая граждан ЕС, что является основанием отклонения заявлений о его дискриминационном характере [5]. Более того, Суд ЕС ссылается на широкую свободу в формулировании санкционных критериев и их применении Совета ЕС, который не обязан вводить санкции против всех, кто формально им соответствует, а может учитывать целесообразность ограничительных мер в каждом случае [6].

Критерии (d) и (f) включают два элемента: материальную или финансовую поддержку российских лиц, принимающих решения (критерий (d)) или Правительства РФ (критерий (f)), а также извлечение выгоды от них. Для применения санкций достаточно одного из элементов.

Те, кто получает выгоду от «российских лиц, принимающих решения» или Правительства РФ, предполагаемо осознают вовлеченность последних в ситуацию в Украине, а значит, их ресурсы могут подпадать под санкции для предотвращения дальнейшей поддержки действий и политики российских лиц и Правительства РФ [8]. Таким образом, любые взаимодействия с Правительством РФ или с высшими должностными лицами РФ после 2014 года могут подпадать под критерии (d) и (f), что затрагивает необоснованно большое число лиц. Особенно с учетом того, что эти критерии не требуют, чтобы лица напрямую извлекали выгоду непосредственно из ситуации в Украине — достаточно получения выгоды от ответственных за нее лиц или органов [5].

Понятие «выгода» охватывает прибыль любого характера, включая приобретение контроля над организациями. Толкование термина зависит от конкретных обстоятельств. Например, победа в государственных конкурсах сама по себе не подтверждает наличие связей, позволяющих извлекать выгоду, в отличие от получения государственного контракта посредством распоряжения государственного органа без проведения конкурса [8].

Необходимо отметить, что большинство основных права и свобод в законодательстве ЕС не пользуются абсолютной защитой [6]. Все санкционные меры должны соответствовать общим условиям ограничений в статье 52 (1) Хартии основных прав ЕС: иметь четкую правовую основу, не ущемлять содержания ограничиваемых прав и свобод, соответствовать целям общего интереса ЕС и быть пропорциональными [1]. В судебной практике ЕС соответствие санкций требованиям данной статьи закрепилось как прецедент [8].

Таким образом, несмотря на возможность судебного пересмотра решений Совета ЕС, Суд ЕС в большинстве случаев признает санкции законными. По существу, заявления российских предпринимателей о дискриминационности санкционных критериев, их правовой неопределенности и нарушении принципа пропорциональности нивелируются аргументом о широких дискреционных полномочиях Совета ЕС, установленных статьями 75 и 215 Договора о ЕС [2]. В результате судебная практика формирует устойчивый прецедент в пользу действующих санкционных механизмов. При этом отдельные дела демонстрируют возможность их пересмотра при наличии недостаточности доказательной базы или процессуальных нарушений со стороны Совета ЕС, что является скорее исключением из правил.

Источники и литература

- 1) Charter of fundamental rights of the European Union. OJ C 364, 18 December 2000, p. 0001–0022.
- 2) Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union. OJ C 202, 7 June 2016, p. 1–388.
- 3) Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. OJ L 78, 17 March 2014, p. 16.
- 4) Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. OJ L 78, 17 March 2014, p. 6.
- 5) Case T-193/22 OT v Council of the European Union, Judgment of 15 November 2023, ECLI:EU:T:2023:716.
- 6) Case T-283/22 Vadim Nikolaevich Moshkovich v Council of the European Union, Judgment of 20 December 2023, ECLI:EU:T:2023:849.
- 7) Case T-390/22 Sergueï Mndoiants v Council of the European Union, Judgment of 20 December 2023, ECLI:EU:T:2023:850.

- 8) Case T-738/22 Igor Rotenberg v Council of the European Union, Judgment of 19 June 2024, ECLI:EU:T:2024:398.
- 9) Case T-740/22 Dmitry Alexandrovich Pumpyanskiy v Council of the European Union, Judgment of 26 June 2024, ECLI:EU:T:2024:418.